

Глава 9. Дикий источник

На следующее утро, когда за окном ещё стояла крошечная тьма, Цзянь Цинъюй уже открыл глаза, поднялся и слез с кровати.

Одевшись, он толкнул дверь. Прохладный, свежий предрассветный ветер коснулся лица, и в тот же миг ему показалось, будто всё тело разом ожило, а каждая пора раскрылась навстречу воздуху.

И правда — чистый воздух древних времён, не знавший никакого загрязнения, был прекрасен.

Серое небо на далёком горизонте ещё тонуло в предутреннем сумраке. Среди мутной дымки смутно плыли облака, а за ними едва угадывались очертания гор.

Цзянь Цинъюй вышел во двор, потянулся всем телом, глубоко вдохнул бодрящий горный воздух и медленно выдохнул, выпуская из груди застоявшуюся тяжесть.

Пользуясь темнотой перед рассветом, он бросил взгляд на две комнаты западного флигеля. Там стояла тишина — отец и сын из семьи Линь ещё не проснулись.

Отведя взгляд, он на ощупь подошёл к большому чану с водой во дворе, снял деревянную крышку, которой прикрывали его от пыли, и зачерпнул два ковша воды.

На рассвете было прохладно, а вода в тазу казалась почти ледяной, но Цзянь Цинъюй будто вовсе этого не замечал. Быстро почистив зубы порошком, он умылся.

Закончив с умыванием, он зашёл на кухню, осмотрелся по сторонам и снова вышел наружу.

Подойдя к высокой, аккуратно сложенной поленнице, Цзянь Цинъюй взял с края охапку уже расколотых дров, вернулся на кухню и сложил их у устья печи.

Пустое место снова заполнилось. Затем он занёс ещё немного растопки.

Только выпрямившись, он вдруг уловил снаружи тихий шорох.

Цзянь Цинъюй остановился у двери кухни и посмотрел в сторону звука.

Из темноты появилась худощавая высокая фигура. Осторожно прикрыв дверь комнаты, Линь Жун лёгкими шагами направился к водяному чану во дворе, словно боялся даже шумом шагов кого-нибудь разбудить.

Цзянь Цинъюй молча стоял у двери кухни и наблюдал, как тот крадётся почти как вор, стараясь двигаться как можно тише. И только когда Линь Жун снял крышку и уже собирался зачерпнуть воды, он неожиданно произнёс:

— В тазу на кухне есть вода. Не нужно набирать.

В густом предрассветном мраке внезапный голос так напугал Линь Жуна, что его рука мгновенно замерла.

Лишь спустя некоторое время Цзянь Цинъюй увидел, как тот медленно положил крышку обратно и направился к нему.

Когда парень подошёл ближе, взгляд Цзянь Цинъюя вдруг застыл на его лице.

Бледный.

Если присмотреться внимательнее, в его глазах ещё можно было заметить не до конца рассеявшийся испуг.

— ...

Пальцы Цзянь Цинъюя едва заметно дрогнули. В памяти внезапно всплыли две их прошлые встречи... и оба раза в них Линь Жуна кто-то задирали и притесняли.

В такой деревне древних времён даже семьи с большим родом и связями жили несладко, если в доме не было крепкого мужчины. А у семьи Линь — слепой и хромой отец да гер вместо сына. К тому же они были чужаками, переселившимися сюда всего десять лет назад. Им приходилось ещё тяжелее.

Даже несмотря на вечный голод, старую одежду, тяжёлую работу с утра до ночи, потемневшую от солнца кожу и худобу, на которой почти не осталось мяса, красивые черты лица Линь Жуна всё равно невозможно было скрыть.

Такой неженатый гер — разве не лакомый кусок?

Неважно, положил ли кто-то глаз на самого человека, на запасы зерна его в доме или ещё на что-нибудь... Под покровом ночи, когда вокруг тихо и ни души...

От собственных мыслей у Цзянь Цинъюя пересохло в горле. Лишь спустя долгое время он немного скованно произнёс:

— Пока я здесь, ни одна слепая тварь не посмеет сюда сунуться.

То ли эти слова и правда успокоили Линь Жуна, то ли он просто пришёл в себя — опустив голову, тот тихо отозвался:

— Угу.

Цзянь Цинъюй поднял руку и потёр кончик носа. В его голосе слышалась едва заметная неловкость, почти уступчивость:

— Я вынесу тебе таз с водой.

Поставив таз у ног Линь Жуна, он ещё некоторое время наблюдал за ним. Убедившись, что тот спокойно почистил зубы, умылся и выглядит нормально, без следов недавнего испуга, Цзянь Цинъюй вернулся на кухню, сел у печи и принялся честно разжигать огонь.

Когда Линь Жун закончил умываться, он по привычке хотел вылить воду к грядкам, но, подняв глаза, увидел, что весь двор, кроме узкой тропинки для ходьбы, зарос густой дикой травой.

Его движения сразу замерли.

— ...

Через пару мгновений он как ни в чём не бывало вылил воду прямо в траву.

За все эти дни, что он здесь жил, каждое утро после умывания было одно и то же. И как бы он ни старался, от этой привычки избавиться не получалось.

Линь Жун беззвучно вздохнул.

.....

Густая тьма на горизонте постепенно светлела и редела, очертания окружающих предметов становились всё яснее.

Наступал рассвет.

У подножия гор одна за другой медленно поднимались тонкие струйки дыма от кухонных очагов.

На завтрак были лепёшки, жидкая каша и небольшая тарелка маринованной спаржевой фасоли.

Простая, незатейливая еда приятно легла в желудок, пустовавший всю ночь.

После спуска с горы им ещё предстояло идти в посёлок продавать добытые в горах вещи, поэтому они торопились. Закончив завтракать, Цзянь Циньюй и Линь Жун оставили помыть посуду Линь Гэню, а сами надели за спину по корзине и отправились в горы.

На этот раз Линь Жун был необычайно взволнован.

Цзянь Циньюй, человек, который круглый год бродил по горам и охотился, собирался провести его глубже в лес.

А чем дальше заходишь в горы, тем реже встречаются люди. И тем больше там остаётся хороших вещей, которые ещё никто не успел собрать.

Ради похода в горы Цзянь Циньюй сегодня надел плотно сидящую, удобную одежду. В густых зарослях и среди переплетённых ветвей такая не цеплялась за кусты и не сковывала движения.

Высокий молодой мужчина шёл впереди, расчищая дорогу. В каждом его движении — шаге, повороте, взмахе руки — чувствовались сила и ловкость: узкая талия, широкие плечи, напряжённые крепкие ноги легко отводили в стороны все преграды на пути. Линь Жун, опустив голову, неотступно следовал за ним, осмеливаясь смотреть лишь себе под ноги. Стоило взгляду случайно скользнуть в сторону, как он тут же поспешно отводил глаза.

Цзянь Циньюй вовсе не замечал странного поведения гера за спиной. Всё его внимание было сосредоточено на окружающей обстановке. К этому моменту они уже давно миновали места, куда обычно заходили деревенские жители, и действительно углубились в настоящие дикие горы.

Древние деревья уходили вершинами в небо, ветер шевелил ветви, а утренний туман тонкой вуалью стлался между стволами, словно отрезая этот мир от человеческой суеты. Здесь царили тишина и спокойствие.

В таком месте Цзянь Циньюй невольно расслабился всем телом. Его быстрые шаги постепенно замедлились, превратившись в неторопливую прогулку.

Линь Жун, шагавший след в след за мужчиной, мгновенно это почувствовал. Он удивился, и в то же время понял, что всё было вполне естественно.

Когда человек долго находится в одном месте и привыкает к окружающей среде, он сам того

не замечая начинает расслабляться.

Взгляд Цзянь Цинъюя скользил по густому лесу, но ничего необычного он не замечал. Остановившись, он обернулся к Линь Жуну:

— В каких местах обычно растут те дикие ягоды?

Линь Жун задумался, вспоминая.

— В каких местах... Даже не знаю. Раньше, когда я их видел, рядом вроде не было ничего особенного.

То есть растёт где попало?

Цзянь Цинъюй снова двинулся вперёд и, не оборачиваясь, сказал:

— Если за час не найдём, придётся возвращаться. Сначала продадим горную добычу.

— Хорошо.

Они ещё некоторое время бродили по лесу, пока не вышли к более открытому участку. За несколькими толстыми деревьями Цзянь Цинъюй прищурился и указал на склон неподалёку, где по другую сторону росли густые кусты, усыпанные мелкими красными ягодами.

— Эти?

Линь Жун посмотрел туда, куда указывала рука. Увидев знакомый алый цвет, он сразу оживился. Радость и возбуждение буквально вспыхнули в его глазах.

— Да, эти.

Чем ближе они подходили к невысокому склону, тем реже становились деревья. А у самого подножия высоких вековых стволов уже вовсе не осталось — вокруг росла лишь густая дикая трава по пояс Цзянь Цинъюю: колючая, плотная, непролазная.

Цзянь Цинъюй на ходу сломал крепкую палку и несколькими взмахами начал расчищать путь. Кусты и трава валялись под ударами, и идти им стало заметно легче.

Линь Жун напряжённо следил за тем, что творится под ногами. В таких густых зарослях в это время года легче всего наткнуться на змей.

Ядовитая она или нет — стоило лишь представить это длинное скользкое тело, как Линь Жун передёрнуло от отвращения.

Тем временем Цзянь Цинъюй, шедший впереди, уже добрался до кустов с ягодами. Линь Жун украдкой тряхнул головой, стараясь выбросить из мыслей мерзкий образ змеи, и поспешно догнал его.

Подойдя ближе, он тут же забыл обо всех неприятных фантазиях.

Перед глазами раскинулось целое море дикой малины. Густые кусты, сплошь усыпанные яркими красными ягодами, уходили вдаль, насколько хватало взгляда.

В глазах Линь Жун вспыхнуло изумление и радость.

— Так много...

Такие дикие ягоды всегда были желанной редкостью. Если Линь Жуну и везло наткнуться на них, то либо ягод было всего несколько штук, либо их уже успевали обобрать деревенские, оставляя лишь мелкие зелёные плоды, ещё не созревшие.

Насколько он помнил, дикая малина была единственным лакомством в его жизни, и ел он её считанные разы.

Не в силах сдержаться, Линь Жун сорвал ближайшую ярко-красную ягоду и тут же отправил её в рот. Сладость с лёгкой кислинкой не только не портила вкус, а наоборот — делала его ярче и насыщеннее.

Убедившись, что это именно те ягоды, которые они искали, Линь Жун поспешно снял с плеч корзину и начал их собирать.

Цзянь Цинъюй тоже принялся за дело, время от времени закидывая ягоды себе в рот.

Кисло-сладкий сок растёкся по языку. Он слегка приподнял бровь и тут же бросил в рот ещё пару самых крупных ягод.

К этому времени совсем рассвело, солнце поднялось высоко. Сквозь переплетённые ветви пробивались пятна света, ложась на зелёные листья, на склонённые фигуры собирающих ягоды людей, на их лица.

В прохладной тени леса солнечные лучи ощущались лишь мягким теплом.

Цзянь Цинъюй поглядел на Линь Жуна. Даже со спины от него будто исходило радостное оживление. Руки продолжали быстро срывать ягоды, а сам Цзянь Цинъюй вдруг подумал: раз уж его фулан так любит малину, то в будущем, если он снова наткнётся на эти кусты в горах во время охоты, можно будет принести немного домой.

Подумаешь, горсть диких ягод. Никакой помехи.

Ягоды были очень нежными и легко мялись, поэтому перед выходом Линь Жун специально достал маленькие корзинки, которые когда-то сам сделал ради сбора этих ягод. По одной каждому.

Корзинки были совсем небольшими. В руках Линь Жуна они смотрелись нормально, а вот у Цзянь Цинъюя выглядели почти как детская игрушка — размером всего с его ладонь.

Оба работали быстро. Наполнив корзинку, они осторожно пересыпали ягоды в корзины за спиной, заранее высланные мягкими листьями, и дальше продолжили сбор.

Через час они возвращались с полной добычей.

Глядя на румяное, светящееся лицо идущего рядом Линь Жуна, Цзянь Цинъюй неспешно шагал следом. Под влиянием этой тихой, радостной атмосферы он и сам не заметил, как привычная холодность в его взгляде смягчилась.

Потратив около получаса на обратную дорогу, они вернулись к дому у подножия гор.

Время уже поджимало. Под взглядом Линь Жуна, который явно хотел что-то сказать, но так и не решился, Цзянь Цинъюй вытащил из корзины большую миску ягод и поставил её на кухне.

Затем вышел во двор и принялся связывать лапы ещё живым горным курам, бросая их в другую большую корзину.

— Пошли.

Линь Жун с сожалением посмотрел на полную миску ягод на столе и вместе с Цзянь Цинъюем вышел из дома.

Палящее солнце уже высоко стояло в небе. Жара обжигала тело, пот насквозь пропитывал тонкую одежду, заставляя ткань липнуть к коже.

Цзянь Цинъюй быстрым шагом шёл по дороге к посёлку, время от времени оборачиваясь проверить, как там Линь Жун позади.

В этот час на длинной дороге попадались лишь люди, возвращавшиеся обратно в деревню. Только они вдвоём шли против потока — в сторону посёлка.

Линь Жун, заметив это, моргнул слипшимися от пота ресницами и крепче сжал губы.

Цзянь Цинъюй взглянул на него и ровно произнёс:

— Не переживай. Такая вещь редкая и долго не хранится, собирать её можно только свежей. Люди из деревни всё равно не наши покупатели. Для них этих ягод будто не существует. Наши покупатели в посёлке.

После этих слов напряжение на лице Линь Жуна немного рассеялось, и он даже ускорил шаг.

Взгляд Цзянь Цинъюя скользнул по каплям пота у него на щеке и остановился на слишком уж покрасневшемся лице. Его брови тут же нахмурились.

В душе он тихо цыкнул.

Чёртова жара!

<http://bllate.org/book/17612/1639132>